

Россия стремится стать нацией капиталистической, по образцу западных европейских наций, а последние годы она не мало потрудились в этом направлении,—ей не удастся достигнуть этой цели, не превратив сначала доброй доли своих крестьян в пролетариев, а затем, очутившись однажды на лоне капиталистического строя, она неизбежно подпадет под власть его неумолимых законов, как и все прочие грешные народы ¹⁾. Вот и все. Но этого моему критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития,—в теорию, которой фатально должны подчиняться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы придти в конце-концов к такому экономическому строю, который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека. Но прошу у него извинения. Это значило бы зараз и делать мне слишком много чести и приписывать мне ошибочное мнение, в котором я ничуть не повинен.

Покажем это на примере. В различных местах „Капитала“ я делаю намеки на судьбу плебеев древнего Рима. В начале это были свободные крестьяне, обрабатывавшие за свой счет свои собственные участки земли. В продолжение Римской истории они были постепенно экспропрированы, при чем то же самое движение, которое оторвало их от средств производства и пропитания, повлекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также и крупных денежных капиталов. Итак, в одно прекрасное утро появились здесь с одной стороны—свободные люди, лишенные всего, кроме способности к труду, а с другой,—для эксплуатации этого труда—владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздлолюбивой черью „mob“, стоявшей на более низком нравственном уровне, чем даже „белые бедняки“ (poor whites) южных штатов Северной Америки, а вместе с тем сложился и расцвел не капиталистический способ производства, а рабский. (см. примечание 211, стр. 623 русского издания „Капитала“). Таким образом, поразительно аналогические между собой, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным между собой результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собой, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя придти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку (passe partout) какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее над-историчности (consiste á être supra-historique).

Этот ответ Маркса, обнаруженный Ф. Энгельсом после смерти Маркса в его бумагах, был в 1883 г. передан Герману Лопатину ²⁾,

¹⁾ Шутливый намек на выражение Н. К. Михайловского: „Эта форма... у нас, на святой Руси... мало еще подвинулась вперед“.

²⁾ См. письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Н-ону, стр. 114.

но увидел свет только 1888 г. на страницах „Юридического Вестника“ (кн. X) ¹⁾.

Глава III.

Первая легальная марксистская статья Г. Плеханова. Статья П. Аксельрода о Генри Джордже. Статьи Н. Русанова начала 80-х годов. С Харизоменов. В. Львович. Гурвич и его книга „Переселение крестьян в Сибирь“. Брошюра М. М. об интеллигенции.

Марксистское мировоззрение Плеханова в это время (1881—2 г.) еще только складывалось; тем не менее, в статье о Родбертусе уже определенно чувствуется марксист. „Родбертус,—говорит Плеханов, по вопросу о деньгах и товаре повторил ошибку Прудона, которая, по выражению Маркса, заключалась в „элементарном непонимании необходимой связи между товаром и деньгами“. „Товары,—говорит Плеханов,—представляют продукт индивидуальных производителей, так что воплощенный в них труд есть индивидуальный, а не общественный. Меновая же стоимость продуктов определяется общественно-необходимым трудом, затраченным на их производство; чтобы знать меновую стоимость продукта, мы должны, следовательно, знать, как относится вопло-

¹⁾ В нелегальной печати „письмо“ К. Маркса было напечатано в № 5 „Вестника Народной Воли“ за 1886 г.; в предисловии к этому письму редакция „В. Н. В.“ между прочим говорит: „Мы давно имели это письмо в руках, но зная что Ф. Энгельс передал его другим лицам для напечатания на русск. языке, воздерживались от его опубликования. Оно до сих пор в русской заграничной прессе не появлялось. В прошлом году оно было издано в России нашими товарищами, но большая часть издания попала в руки полиции. Теперь мы получили от наших товарищей русский перевод его с просьбой напечатать, так как им не удалось распространить его, а оно вызвало значительный интерес в русской социалистической молодежи...“

Говоря о „других лицах“, коим Энгельс передал письмо для напечатания, редакция „В. Н. В.“, повидимому, имела в виду „Группу Освоб. Труда“; это явствует из письма В. Засулич к Ф. Энгельсу от 5/X 1884 г., в котором она благодарит за присылку „статьи“ Маркса (см. прим. Б. Николаевского в книге „Из архива П. Аксельрода“). Для уяснения взглядов К. Маркса по вопросу об общинном землевладении в России—помимо уже известного предисловия к „Коммунистическому Манифесту“ и письма к редактору „О. З.“—огромный интерес представляют опубликованные Д. Рязановым черновики письма Маркса к В. Засулич ²⁾, а также подлинное письмо Маркса от 8/III 1881; опубликованное В. Николаевским ³⁾.

²⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 269.

³⁾ „Из архива П. Аксельрода“ т. 2.

ценный в нем индивидуальный труд к труду „общественно-необходимому“. Говоря о практических планах Родбертуса, Плеханов указывает, что в основе их лежит неясное представление о сущности и природе буржуазного способа производства. Смешно поэтому ставить учение Родбертуса на одну доску с учением Маркса—Энгельса. Воззрения Родбертуса сложились в тот период экономической науки, когда старое здание классической политической экономии оказалось тесным, обветшалым, потребовало радикальной перестройки. Сочинения его были замечательнейшим „знаменем“ этого переходного времени, но не ему суждено было стать архитектором, заложившим фундамент новой науки“.

Не трудно понять, кого считает Плеханов строителем здания новой экономической науки: это был Карл Маркс, который при всей своей учености „взялся за практическую деятельность и обнаружил при этом такие неприятные для буржуазии наклонности, что Родбертус, несмотря на всю свою ученую ересь, явился просто агнцем в сравнении с этим беспокойным человеком. Кроме того, и среда, к которой обращались Маркс и его последователи к концу 60-х годов, стала восприимчивей к их проповеди, чем была она до февральской революции. Движение западно-европейского рабочего класса принимало все более и более грозный характер. Не дождавшись от буржуазии облегчения своего положения, пролетарии пришли к тому убеждению, что „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“... Тогда то,—говорит Плеханов,—и вспомнили буржуазные экономисты, что где-то в Померании проживает в своем имении ученый, держащийся таких же, повидимому, как и Маркс научных воззрений, но отличающийся гораздо более смиренным нравом. Понятно, что в том затруднительном положении, в которое поставил экономистов автор „Капитала“, Родбертус представлял для них настоящую находку. Он являлся противоядием, весьма полезным для рабочих, зараженных, учением Маркса“.

И хотя Родбертус, говорит Плеханов,—занимает почетное место в истории науки, как исследователь Смита и Рикардо, но в практическом отношении для буржуазных ученых он являлся мень-

¹⁾ Г. Валентинов. Новое направление в области полит. экономии. „О. З.“ 81 кн. XI и „Эконом. теория К. Родбертуса, Я. Гецова. „О. З.“ 82. V, VI и 83 IX и X.

шим злом, чем Маркс и поэтому он выдвигался всюду, где требовалось противоядие против Маркса; тем более, что Родбертус считает вредной всякую политическую самостоятельность раб. класса, полагая возможным разрешение социального вопроса путем государственных мероприятий, основанных на выводах экономической науки.

В 1883 году в „Деле“ (№ 9 и 10) была напечатана статья П. Аксельрода о Генри Джордже.

Б. Николаевский в вышедшем в Берлине в 1924 г. сборнике „Из архива Аксельрода“ по поводу этой статьи сообщает следующие сведения: „П. Аксельродом была послана в ред. „Отеч. Записок“ статья о Генри Джордже. В это время редакция уже имела статью на эту же тему Южакова. Отказ в напечатании статьи П. Аксельрода в „Отечественных Записках“ Михайловский, как объясняет Аксельрод, мотивировал тем, что в статье есть что-то, „чего он сам не может точно определить, но что не удовлетворяет его“. Само собою разумеется, марксистская статья Аксельрода не могла удовлетворить Михайловского. Интересно отметить, что оценка книги Джорджа, сделанная Аксельродом, полностью совпадает с оценкой Н. Зибера, что устанавливается, как статьями Зибера в „Вольном Слове“ за 1882 г., так и его письмом к Аксельроду от 5/VIII—1881 года, напечатанным в сборнике „Из архива Аксельрода“.

Доказав всю несостоятельность „лекарства“, предлагаемого Джорджем для „окончательного искоренения“ бедности среди возрастающего богатства в виде национализации земли, Аксельрод говорит, что „превращение поземельной ренты из частного фонда в общегосударственный, если и поведет к прекращению монополизации права собственности на землю, тем не менее, нисколько не откроет „свободного доступа“ массе производителей к богатствам природы. По прежнему „Свободная конкуренция“ крупных капиталистов с мелкими производителями будет вытеснять последних из всех отраслей производства, концентрируя экономические средства в руках первых. И единственным источником существования громадного большинства производителей по необходимости является заработная плата“.

Таким образом, реформа Джорджа, по мнению Аксельрода, не более, как финансовая мера, при том не столько прогрессивного, сколько реакционного свойства, потому что осуществление ее само

по себе предполагает усиление экономической конкуренции и вражды между целыми государствами.

„При известных обстоятельствах,—говорит Аксельрод,—реформа Джорджа может иметь некоторое значение, но как рычаг, который должен сдвинуть экономический прогресс с его старой колес, как это хотелось бы автору, она не выдерживает никакой критики“.

Большой интерес с точки зрения литературы легального марксизма представляют статьи Н. Русанова, печатавшиеся в „Деле“ и „Р. Б.“ в 1880—81 гг. Первая „марксистская“ статья Русанова была напечатана в „Русск. Б.“ в 1880 г. под заглавием „О современных проявлениях капитализма в России“; статья эта первоначально была сдана в „Отеч. Зап.“ и, хотя Щедрин и высказался за принятие, но Михайловский и в особенности Г. Елисеев нашли ее явно антинароднической и напечатать отказались. „В этой статье, говорит Н. Русанов, в своих „Воспоминаниях“ (Берлин, 1924 г., стр. 288), „наша экономическая жизнь того времени истолковывалась с точки зрения первоначального русского, изрядно незрелого марксизма... и которая любопытна главным образом лишь в том отношении, что в ней я впервые в нашей легальной литературе пытался приложить к русской действительности некоторые экономические и социологические взгляды Маркса. В ней я задавался вопросом: должна ли Россия в сравнительно недалеком будущем неизбежно сойти на время на окольную проторенную Западной Европой дорогу капиталистического производства или же прямо выбраться на столбовой путь производства народного?“

На этот вопрос Н. Русанов отвечал таким образом: „Мы стоим у преддверия капитализма. Община при всем своем благодетельном влиянии на народ... не в состоянии спасти его от „свободомыслящей“ буржуазии, коль скоро он находится в неблагоприятных экономических условиях. Напротив, она сама разлагается в силу стремления крестьянского населения отделиться от земли, стремления, вынуждаемого этими же самыми неблагоприятными экономическими условиями“.

В статье, как она ни кажется в настоящее время Н. Русанову наивной по той горячности убеждения, с которой она была написана, высказывался вполне правильный взгляд на процесс капитализации нашей кустарной промышленности, образования крупного торгового капитала, как предшественника капитала

индустриального. „Выходило,—говорит Русанов,—что и в России капитал уже стремится подчинить себе сферы сельского хозяйства, промышленности и торговли и как раз в тех пунктах, которые народничеством считались застрахованными от капиталистического вторжения“.

Статья эта вызвала в свое время много разговоров, но не столько в литературных кругах, как революционных; статья, между прочим, весьма понравилась Тургеневу, которому Глеб Успенский посылал книжки „Русск. Бог.“.

Интересно отметить, что эта марксистская статья Н. Русанова, будущего народника, была напечатана в архинародническом „Русск. Богатстве“ чуть ли не в одном и том же номере с явно народнической статьей Г. Валентинова (Шеханова), будущего марксиста. И любопытно, что Русанов эмигрировал за границу марксистом и уже в эмиграции стал народником тогда, как и Шеханов уехал из России народником и лишь в эмиграции стал марксистом.

В статье „Наши катедер-экономисты“¹⁾, написанной по поводу курса полит. экономии Э. Вредена и А. Антоновича, Н. Русанов рассматривает историческое развитие политико-экономических школ с точки зрения развития производительных сил и общественных отношений каждой данной эпохи и характер политико-экономических теорий объясняет изменением роли классов в общественном процессе производства. „Мы видим, говорит Русанов, что все школы, появившиеся за это время, служили теоретическими выразителями хода той современной экономической жизни, которая началась совместной борьбой буржуазии и пролетариата против феодализма, а окончилась борьбой пролетариата против буржуазии, смягчаемой „на время“ и „в некоторых случаях ассоциацией работников с капиталистом“.—Разумеется, говорит Русанов,—когда теперешний порядок вещей сменится товариществом всех работников, тогда и политическая экономия будет иная, а теперь она такая, какой иначе и не могла быть... Какая же у нас могла получиться наука, если не было на лицо тех условий, какие создали эту науку на Западе... Не было капиталистического строя с его атрибутами, свободным обменом, свободной конкуренцией, свободным от средств производства трудом и т. д.“... Когда же,—говорит далее Русанов,—стала проникать к нам западно-европей-

¹⁾ „Против экономического оптимизма“. „Дело“ 1880 г.—12.

ская наука, то она приняла у нас характер подлинной буржуазной науки с „незыблемыми“, „вечными“ и „неизменными“ законами, предопределяющими общественные отношения“.

Вся статья Русанова имеет целью доказать, что наша отечественная наука политической экономии на почве нашей экономической отсталости, крепостнических и полуфеодалных отношений только и могла быть наукой архи-буржуазной вроде знаменитого Шторха, распинавшегося за невмешательство государства в экономические отношения даже и тогда, когда помещик запарывал на-смерть своих крепостных рабочих.

В статье „Против экономического оптимизма“ („Дело“ 80 г., кн. 12) Русанов оспаривает точку зрения В. В. о том, что капитализм не имеет у нас реальной почвы для своего развития и указывает на десятиmillionную армию кустарей, которую капитал окончательно забирает в свои руки. Кустарь и мелкий ремесленник—вот основная ячейка нашего капитализма, из которой разовьется мануфактурная форма производства. Между современным типом кустарной промышленности и капиталистической формой производства существует положительная аналогия. Кустарная промышленность превращается во внешнее отделение фабрики. Точно также оспаривает Русанов и другое положение В. В. о том, что община мешает развитию капитализма в деревне и показывает, как деревенский кулак прибирает к рукам крестьянские наделы в хваленной почти „социалистической“ общине, которая, якобы, гарантирует своих членов от обезземеления.

Эти две статьи Н. Русанова с несомненностью свидетельствуют об его явно антинароднической позиции, занятой им и по вопросу о происхождении идеологии и по вопросу о нашем экономическом развитии. Н. Русанов, нигде не упоминая имени Маркса и не ссылаясь на его труды, дает вполне марксистское объяснение по вопросу о происхождении различных идеологий, лишь отражающих определенные общественные отношения классов.

Антинароднический подход к анализу нашего экономического развития обнаруживает и С. Харизоменов в статье „Значение кустарной промышленности“ („Юр. Вестн.“ 83, 11, 12), хотя он так же, как и Русанов нигде на Маркса не ссылается.

Анализируя состояние кустарной промышленности в северных и центральных губерниях, Харизоменов приходит к заключению,

что в ней царит домашняя система крупного производства и частью мануфактура. „С развитием цивилизации“, говорит Харизоменов,—натуральное хозяйство той или иной системы переходит в хозяйство денежное, меновое. Меновое хозяйство, вызванное сильным разделением труда, неизбежно связано с так наз. капиталистическим производством. „Неизбежность капиталистического производства,—говорит Харизоменов,—для каждой цивилизованной страны признают все европейские экономисты и разница между ними состоит лишь в том, что одни считают капиталистическое производство последним и высшим фазисом хозяйства, а другие видят в нем переходную ступень к более справедливым формам экономической жизни“... Харизоменов решительно не согласен с теми русскими экономистами-народниками, которые утверждают, что законы капиталистического развития к нам не приложимы, и что Россия навсегда останется страной мелкой и кустарной промышленности.

Путем тщательного анализа Харизоменов приходит к выводу, что наиболее значительная часть кустарных промыслов есть ничто иное, как домашняя система крупного производства (около 96%). „Законы, выработанные западной экономической литературой,—говорит Харизоменов,—нашли себе полное выражение в организации русской промышленности“. О каких „законах“ говорит Харизоменов? Конечно, не о „вечных“ и „непреложных“: он несомненно имеет в виду то основное положение Маркса, которое гласит, что всякая страна, вступившая на путь капиталистического развития, тем самым неизбежно подчиняется непреложным законам развития, присущим капиталистическому производству.

Для полноты литературы легального марксизма необходимо отметить еще ряд марксистских статей в „Северн. Вестнике“ за время с 1889 по 90 г. Странное впечатление производит в это время „Сев. Вестник“. На ряду с явно народническими статьями в нем помещались статьи Волынского, известного „разрушителя авторитетов“ 60-х годов, статьи Мережковского, и наконец, марксистские статьи Г. Львовича и его переводы Каутского. Повидимому, у лиц, близких к редакции журнала, были связи с марксистами за границей¹⁾. Так в V и VI кн. „С. В.“ за 89 г. напечатан пе-

¹⁾ В одном из писем Энгельса к Н-ону за 1885 г. упоминается о письме к издателю „С. В.“; письмо это, надо полагать, касалось вопроса о напечатании письма К. Маркса к редактору „От. Зап.“. Списывался с „С. В.“ и Г. Плеханов в 89 г., предполагая дать какую то статью.

ревод Львовича известной работы К. Каутского „Противоречия классовых интересов“; статья П. Лафарга „Машина, как фактор прогресса“¹⁾ (89 г. кн. 4); ряд статей К. Каутского: „Национальность нашего времени“ (89 г. кн. 10), „Век гуманизма и реформации“ (89 г., кн. 11, 12; 90 г., кн. 2); „Общественные инстинкты в мире животных и людей“ (90 г. кн. 6 и 9). В 3 и 4 книгах за 89 год напечатана интересная статья Г. Львовича „Кризис философии классического идеализма в Германии“.

В этой статье Львович показывает, чем воспользовалась материалистическая философия Маркса и Энгельса у Гегеля и как идеалистическая философия служила идеологии немецкой буржуазии в пору ее расцвета; в статье также указывалось, что на смену буржуазии идет новый класс со своей собственной философией, не похожей на философию буржуазии. Все эти марксистские статьи, печатавшиеся в народнических изданиях, проходили в то время незамеченными и не вызвали особого интереса.

Незамеченной прошла и весьма интересная книга И. Гурвича „Переселение крестьян в Сибирь“. Автору с величайшим трудом удалось поместить четыре главы из этой книги в „Юридическом Вестнике“ за 1887 г., но в конечном счете он вынужден был выпустить свою работу отдельным изданием за собственный счет. Анализируя развитие капиталистического сельского хозяйства в России, автор приходит в вышеупомянутой работе к выводу, что наше народное хозяйство переживает период производства „абсолютной прибавочной стоимости“, переход от натуральной формы хозяйства к денежной со всеми сопровождающими этот переход последствиями (разложение общины, пролетаризация крестьянства).

Одним из первых литературных произведений, направленных против народнических взглядов, надо признать изданную в Казани в 1889 г. брошюрку „Интеллигенция, как категория капиталистического строя“. Под инициалами М. М. скрывался тогда студент Казанского университета М. Л. Мандельштам, впоследствии ревизионист, а в конечном счете, — лидер кадетской партии и член декинского кабинета министров. Эта брошюра представляет инте-

¹⁾ Статья эта доставлена была Н-оном через Энгельса; другая статья П. Лафарга о мировой хлебной торговле была возвращена обратно ввиду перехода журнала в другие руки (см. письмо Энгельса к Н-ону от 10/VI—1891 г.).

рес, как попытка оспорить традиционное народническое представление об интеллигенции, как внеклассовой категории. Попутно в брошюрге затрагивается и вопрос о путях экономического развития России, при чем интеллигенции предлагается перестать быть эксплуататорской (врачам, адвокатам, инженерам) и слиться с пролетариатом. Наивный и крикливый тон этой брошюрки, несмотря на все благие намерения автора, не имел практических результатов¹⁾.

ГЛАВА IV.

Легальный марксизм начала 90-х годов. Проф. А. Скворцов и его книги: „О паровом транспорте“ и „Экономические этюды“. П. Скворцов — один из пионеров революционного марксизма в России. Голод 1891 г. и преодоление общественной реакции 80-х годов.

В 1890 г. в Варшаве вышло в свет исследование А. Скворцова „Влияние парового транспорта на сельское хозяйство“; эта работа обнаружила полнейшую научную несостоятельность так называемой теории „народного производства“ и земледельческого государства. А. Скворцов выяснил роль парового транспорта в изменении всей структуры общества и указал, как благодаря транспорту обращается мировое хозяйство. Конечно, Скворцов ни в какой мере не может быть назван марксистом, хотя в обстреле народнических позиций его книга имела существенное значение и виднейший по тому времени „марксист“ П. Струве широко использовал работу Скворцова против народников. Но уже в то время, в период „единого фронта“ против народничества Н. Ленин писал: „В нашей литературе принято относить его (А. Скворцова) к марксистам. На это так же мало оснований, как и на зачисление в марксисты г-на Н-она. Г-н А. Скворцов тоже не знаком с учением о классовой борьбе и классовом характере государства. Его практические предложения в „экономических этюдах“ ничем не отличаются от обыкновенных буржуазных предложений. Если он гораздо трезвее смотрит на русскую действительность, чем г. г. народники, то на этом одном основании следовало бы зачи-

¹⁾ В одной из своих заметок в „Правде“ о Н. Ленине (апрель 1924 г.) Н. К. Крупская упоминает о том, что еще в Симбирске, будучи гимназистом, Владимир Ильич принимал участие в марксистском кружке Мандельштама.